

ГЛАВА 1

Н и вспомнить не мог, как снимал доспех, но доспеха на нем не было, а он лежал на перине, в уютной телеге с большими бортами, словно в колыбели, и под шубами. Лежал и слышал, как совсем рядом хрустит овсом лошадь, кто-то недалеко рубит дрова. Слышал чей-то отдаленный разговор, скрежет чана, который кто-то скребет песком. Пахло сыростью, и дымом костра, и горелым луком, и холодной рекой. Эти запахи возвращали его в молодость, так пахло тогда... Давным-давно. Лежать бы так и лежать, не вылезать из-под шуб и перин, но ему было нужно... Нужно. Ему всегда было что-то нужно делать, и сейчас Волкову просто необходимо было знать, чем все закончилось и что он проспал.

Кавалер откинул шубу. А рука-то слабая, силы в ней нет совсем. Сел. Огляделся. Кругом лагерь, что ж еще. Его солдаты, он узнал их сразу. Кругом его земля, его река — и ее узнал, и заставу на холме, которую построил сержант Жанзуан. Всё вокруг его. Серый холодный день, дождь со снегом едва-едва идет, кругом обычная грязь. Света мало, его едва пропускают низкие тучи. Скоро Рождество. Темное время.

— Кавалер проснулся! — звонко кричит кто-то.

Его заметили. Волков оборачивается на крик — это один из сержантов Рене. Сержант неподалеку чистит пучком соломы бока хорошему коню. Видно, взял в трофеях. Это хороший сержант, Волков его помнит. Сержант радостно ему кла-

няется. Кавалер машет сержанту: «Не кричи, дурак!» Но уже поздно.

— Кавалер проснулся! — кричит кто-то дальше и еще громче.

Тут же из-за кустов, как будто там и ждал, звякая мечом о ножи, выходит Брюнхвальд. Он не улыбается, он вообще редко улыбается или смеется. Сейчас он важен, направляется к кавалеру, на лице печать торжественности. Видно, собирается делать доклад. Нет, доклад будет после, теперь Карл Брюнхвальд подходит к телеге и говорит негромко:

— Друг мой, как вы себя чувствуете?

Волкову, может, и хотелось бы пожаловаться, что, мол, слаб, что в голове ясности нет, что рубаха грязна, он ее дня три или четыре не снимал, но разве он себе такое позволит.

— Достаточно хорошо для дела, — отвечает он.

— А нога ваша не докучает?

Нога? Он даже позабыл про нее.

— Нога не докучает, и силы, кажется, возвращаются. Вы лучше скажите, Карл, как неприятель? Где он?

— В ваших землях никакого неприятеля больше нет, — сообщает Брюнхвальд. Теперь он и улыбается, и важен одновременно. — Горцы биты, причем так, что немногие смогли уйти к себе, добравшись до лодок. Во владениях ваших горцы есть лишь пленные, скорбные болезнями и ранами и о милости не просящие. Мы взяли весь их обоз, лодки, что были у берега. Много оружия, арбалетов, доспехов — они всё бросали, когда кидались в реку.

К телеге подбежал младший из Брюнхвальдовых. Он в разговор старших не влезает, но видно, что рад видеть рыцаря бодрствующим.

— Впрочем, делами вам докучать не буду, вы бледны еще, друг мой, — говорит Карл Брюнхвальд. — Вам нужен хороший обед.

— Обед, а разве сейчас не утро? — Волков кутается в шубу и смотрит на небо, с которого ему на лицо падают мокрые снежинки.

— Нет, кавалер, — говорит Максимилиан, — не утро, уже скоро день к вечеру пойдет. Сейчас распоряжусь вам обед подать. Теплая вода есть. Мыться будете?

— Конечно, будет, — отвечает за Волкова старший Брюнхвальд. — Распорядитесь, Максимилиан, и найдите монаха, чтобы тот проверил здоровье кавалера.

— И сапоги, — напоминает Волков, пока мальчишка не убежал. — И белье чистое.

— Сейчас всё будет исполнено, — обещает юноша и бежит.

Волков и Брюнхвальд смотрят ему вслед.

— Ваш сын почти вырос, Карл, — говорит кавалер.

— Я рад, что он рос у вас в учении, — отвечал ротмистр.

Кавалер спускает ноги с телеги.

— Значит, мы их побили?

— Побили, кавалер.

— Крепко?

— Крепче быть не может, из тех, кто сюда пришел, и трети уйти не пришлось. А из тех, кто ушел, так многие еще и в реке потонули.

— Расскажите, как дело было.

— Как вы и велели, когда они только повернули, я приказал всем нашим строиться сначала в баталию на склоне, думал, они перестроятся и опять колонной на нас пойдут, но они стали уходить за холм, а пушки их еще побили. Признаться, мы попадали и попадали. И я приказал Рохе идти за ними.

— Рохе? — удивился Волков. — А отчего же вы не велели кавалерам на вражеский арьберг навалиться?

Тут Брюнхвальд вдруг замолчал, чем удивил Волкова немало.

— Что же с кавалерами было, ротмистр? — спросил он, видя, что Брюнхвальд молчит.

— Кавалеры к тому времени пребывали в полной рассеянности, совсем растеряли строй, — ответил ротмистр.

Тут как раз пришел Максимилиан с двумя солдатами, они несли воду, сапоги и одежду. Волков скинул несвежую рубашку, стал мыться, вытираться, он больше ни о чем не спрашивал у Брюнхвальда. А тот, видно, не собирался оправдываться за других, тоже молчал и ждал, пока кавалер закончит туалет.

Свежая рубашка, стеганка... Кольчугу и берет надевать не стал — надел простой солдатский подшлемник с тесемками, было холодно. Сапоги, перчатки, меч. Волков, хоть и ощущал слабость, да кто о том знает, с виду он был, как всегда, бодр и строг.

— Максимилиан, распорядитесь об обеде.

— Уже, кавалер, но повара вам обед готовить еще не начали, придется подождать.

— Ждать некогда, у солдат обед готов? Бобы остались, горох, сало?

— Пообедали уже, но что-нибудь найдем.

— побыстрее. — Волков поворачивается к Брюнхвальду: — Надеюсь, Гренер жив и здоровствует?

— Здоровствует, здоровствует, — заверил его Брюнхвальд.

Но тон у Брюнхвальда был уже другой.

— Максимилиан, Гренера ко мне. Немедля.

Солдаты из роты Брюнхвальда уже ставили его шатер, искали мебель по обозу, но Волкову не терпелось. Он был голоден, но голод перетерпел бы. Кавалер надеялся, что, поев, быстрее избавится от слабости, которая его раздражала. Ему уже несли бобы в хлебной подливке, толченое сало с чесноком и свежим хлебом, сухофрукты, два вида сыра и вино. Всё ставили прямо на бочку из-под пороха. Кавалер сел есть, во время обеда со всех концов лагеря собирались офицеры и молодые люди из его выезда. Все спешили к нему, чтобы поздравить его с победой. Тут был и капитан фон Финк, и Рене, и Бертье. Они кланялись, поздравляли Волкова, останавливались неподалеку, переговаривались. Он отвечал и улыбками, и поднятием кубка. Только Роха,

болван, допрыгал до кавалера на своей деревяшке и полез обниматься.

— Жив? Чертов Фолькоф, я уж думал, что ты не вылезешь из-под чертовых перин, совсем был белый, когда с тебя снимали латы. Белый, и пальцы такие холодные, как у покойника. Да монах у тебя молодец, молодец. В который раз убеждаюсь.

От него несло луком, дешевым вином и потом. Кавалер всем видом показывал ему, что сие поведение сейчас недопустимо, но Роха крепко держал его.

— Ты что, болван, шупал меня, пока я был в беспамятстве? — спросил Волков, морщась от таких душистых объятий.

— Ну, не то чтобы шупал — пожал руку на прощание, думал, что ты преставишься, уж больно бледен ты был и холоден. — Роха выпустил кавалера из объятий, но не отошел и продолжал: — А мы им крепко врезали, друг, крепко, жаль, что ты не видел этот берег позавчера. — Роха повел рукой. — Тут всё, всё было завалено мертвяками. А еще сколько их водой унесло — не сосчитать. У нас пленных полторы сотни, ребята ждут твоего решения — что с ними делать.

— Хотят их перерезать? — спросил Волков.

— А как же, перерезать, или покидать их в холодную воду, или еще что похуже.

— Значит, плохая война? — спросил кавалер, отпивая вина.

— Истинно так, брат, плохая война.

Тут среди господ офицеров появился Максимилиан, за ним шел Иоахим Гренер. Доспехи его видали и лучшие времена, а сапоги и плащ были откровенно старые. Гренер был невесел, он имел вид человека, который знает о своих ошибках. Прибывший поклонился кавалеру.

— Рад видеть вас в здравии, сосед.

Волков ответил ему кивком и, опять отпивая вина, спросил:

— Друг, скажите мне, отчего люди ваши не смогли преследовать отступающего врага, отчего не заходили ему во

фланг по ходу движения, отчего не наезжали на его арьберггард, на обоз?

Гренер снял шляпу, приложил ее к груди и тяжело вздохнул, но отвечать, кажется, не собирался.

— Слушай, Фолькоф, всё и так хорошо получилось, — забубнил Роха, собираясь, кажется, выгораживать Гренера. — Ничего, мы и без кавалеров управились.

— Помолчи, Роха, дозволю ответить моему доброму соседу, — велел Волков.

— А он тебе ничего не скажет, — продолжал Скарафаджо, как всегда, фамильярно.

— Да помолчи ты! — рявкнул кавалер. — Гренер, вы можете сами рассказать, что было? Или мне слушать этого болтуна, этого глупого адвоката с деревяшкой вместо ноги?

— Да, — нехотя отвечал старый кавалерист. — Что ж, скажу, раз так ...

— Прошу вас, уж просветите меня.

— Как вы и велели, когда колонна горцев стала наседать, я вывел своих людей. Поставил справа от холма, чтобы смотреть врагу в правый фланг колонны. Построил в три ряда, как положено: первый ряд — кавалеры, второй ряд — оруженосцы и послуживые, в третий ряд поставил всех молодых и с плохим доспехом. Колонна горцев сразу замялась, остановилась.

— Это я еще видел, — вспомнил Волков.

— Ну, как вы и приказали, я просто стоял, всем своим людям говоря, что без приказа мы и шагу ступить не должны. Я ж все понимал, — говорил Гренер, продолжая прижимать шляпу к кирасе. — Я помнил всё, что вы мне говорили. Главное — дать работать стрелкам, арбалетчикам и пушкам.

— Ну правильно, и что же было дальше?

— А дальше, — вставил Роха, — их арбалетчики от нас убежали и побежали через поле к Гренеру.

— Да, — кивнул Иоахим Гренер. — Они пришли к нам и стали кидать в нас болты.

— Я бы тоже так поступил, — заметил Волков, — тоже захотел бы спровоцировать вас на атаку. — Старый кавалерист только вздохнул. — И что случилось дальше?

— Кавалеры стали волноваться. Им не нравилось стоять под арбалетными болтами, хотя арбалетчики били с предельной дистанции, а латы у всех и в первом, и во втором ряду были хорошие. Я поехал вдоль рядов, я пытался их успокоить, но они меня мало слушали. Да еще у меня... как раз тут мне и убили коня. Не поверите, сосед, прямо в яремную жилу попал болт, насмерть. А конь был хороший. Да, хороший был конь.

Волков не мог припомнить ни одного хорошего коня у Гренера. Он молчал и слушал.

— Кавалеры стали кричать, что им побьют коней, что надо сбить арбалетчиков.

— Это кричали люди барона? — уточнил Волков.

— И люди барона, и другие рыцари — все, все кричали, не хотели стоять.

— Так надо было отвести их обратно в кусты! — не выдержал Волков. — Отвести в заросли.

— Я пытался, но они меня не слушали, — проговорил Гренер печально.

«Пытался... Ты, скорее всего, оплакивал своего старого мерина, которого ты звал конем», — думал кавалер, глядя на него.

— И что же произошло дальше?

— Но тут барон кричит: «Господа, думаю, надо атаковать!»

Волков взглянул на Роху, надеясь, что тот это подтвердит, но старый товарищ молчал, да и как он мог подтвердить рассказ Гренера, когда между стрелками и кавалерией было полмили расстояния.

— Я слышал, как трубили в рог, — вдруг вспомнил Скарафаджо. — Так трубили, что перекрывали весь шум на поле.

— Верно-верно, — оживился Гренер. — Это кавалер Рёдль трубил «атаку», когда барон дал ему знак.

Это была его, Волкова, ошибка. Это он назначил командиром человека, который, безусловно, опытнее всех других, но который не может приказать, а тем более потребовать от благородных рыцарей выполнить приказание, так как не обладает ни особым статусом, ни славной родословной.

— Они кинулись в атаку? — спросил кавалер.

— Именно так, не послушались меня и кинулись в атаку, — ответил Гренер печально.

— А арбалетчики побежали, спрятались за колонну и рыцари налетели на пики? — догадался Волков.

— Да-да, так и было, хорошо, что горцы не успели перестроиться, — продолжал старый кавалерист.

— Сколько погибло кавалеров?

— Один, — сказал Роха. — Я видел на поле одного убитого.

— Один из молодых рыцарей, что приехал с господином бароном, погиб. Я же говорю, горцы не успели перестроиться и переложить пики на фланг, это и спасло кавалеров. Но коней мы потеряли много, треть коней в этой атаке погибли или получили раны.

— А господа кавалеры рассеялись и собрать до конца сражения вы их уже не смогли?

Гренер кинул.

«Болваны. Безмозглое благородное спесивое дурачье, жизнь их ничему не учит, так и будут кидаться в драку без приказа и уходить с поля боя без разрешения. Нет, их время проходит, может быть, даже уже прошло».

Волков вздохнул и показал пустой кубок солдату, что стоял за его спиной, чтобы тот налил еще вина. Кавалер пил вино молча, поглядывал на Гренера, на господ офицеров, что стояли поодаль, на Роху. И по виду Рохи и по виду Гренера вдруг понял, что это еще не весь рассказ.

— Ну, что еще?

Роха покосился на Гренера — мол, спроси у него. Волков уставился на соседа.

— Еще... К сожалению, был ранен барон.

— Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц, был ранен в той атаке? — уточнил Волков.

— Да, — ответил Гренер. — Он заколол одного горца и сломал копье, отъехал и... поднял забрало.

— И ему в лицо попал арбалетный болт, — закончил за Гренера кавалер.

— Да, — подтвердил старый кавалерист.

— Куда?

— Говорят, под левый глаз.

Волков выпил вина.

— Что говорит брат Ипполит?

Это был праздный вопрос. Что мог сказать в такой ситуации самый искусный целитель? То же самое, что и сам Волков. Но Гренер удивил его:

— Ваш лекарь не осматривал барона.

Кавалер уставился на него, и взгляд его был немым вопросом.

— Господин барон и кавалер Рёдль тут же покинули поле боя и поехали на север. Наверное, домой.

— Болт вошел глубоко? — спросил Волков.

— Я не видел, но говорят, что почти до оперения.

«Конечно, до оперения, наверное, наконечник вышел и уперся в заднюю стенку шлема. Возможно, у барона есть шанс». Не хватало еще, чтобы барон погиб здесь. Волков недавно убил и повесил на своем заборе одного придворного графа, местной знати это не понравилось. И ему совсем не хотелось, чтобы любимец всего графства, один из лучших турнирных рыцарей, погиб под его знаменем.

— Вы послали человека справиться о здравии барона? — спросил Волков.

Старый кавалерист стоял растерянно и все еще прижимал к кирасе старую шляпу. Стоял и молчал.

«Господи, какой болван». Кавалер вздохнул.

— Немедленно пошлите человека к барону в замок.

— Я немедленно пошлю человека в замок к барону. —
Иоахим Гренер поклонился и хотел уйти.

— Сосед, — окликнул его Волков.

— Да, кавалер. — Тот остановился.

— Передайте Максимилиану, что я велел выдать вам коня из
моих конюшен вместо погибшего.

— О, сосед, друг мой... — Гренер уже сделал к нему шаг,
протянул руки. Кажется, обниматься хотел.

— Ступайте, ступайте! — Волков поморщился.



ГЛАВА 2

То ли от вина, то ли от хорошей еды, но после обеда он стал чувствовать себя получше. Брат Ипполит как раз пришел к концу обеда, щупал его лоб, держал руку, спрашивал, спрашивал, спрашивал о самочувствии что-то. Волков с ним говорил и был ему рад, как бывают рады близкому, молодому и умному родственнику.

Монах долго щупал обрубок уха, не горячий ли, и шею посмотрел, но там уже на месте ранения красовался хороший синий рубец. Потом брат Ипполит прикоснулся к небритой щеке кавалера.

— Хорошо. Хорошо, что румянец есть, а жара нет. Вы, как поели, тошноты не чувствовали, позывов к рвоте не было?

Волков поглядел на него из-под бровей и строго с недоумением переспросил:

— Тошноты?

— Лекарство слишком крепкое пили долго, может нутро воротить и слабить чрево и стул, — пояснил юный врачеватель. — Так не воротит вас от еды?

Кавалер продолжал молча смотреть на молодого человека. «Монашек уже не тот, что прибежал за мной в замок госпожи Анны».

Брат Ипполит возмужал. Ему и бриться уже можно. Лицо обветренное, руки зачерствелые, как у мужика, и сильные. Одежда монаха уже совсем стара, из рукавов нитки торчат. Капюшон, кем-то наполовину оторванный, пришит криво и простыми